

950.000.000

МНЕ ВСПОМИНАЕТСЯ начало тридцатых годов. Голубые обложки с изображениями доменных печей и подземных яранов...

Сергей САРТАКОВ

Существует избитое выражение: его не коснулась рука времени. Так говорят, когда хотят выразить удивление тем, что время почему-то пощадило город...

Весь облик нашей страны радостно преобразен временем, сорока годами труда и борьбы за улучшение нового, социалистического общественного строя...

Мы добывали первые слудные киловатт-часы электроэнергии, подвывая обыкновенными лопатами шатурский котел. Иной техникой тогда у нас не было...

Слово «соха» многим из молодежи, пожалуй, кажется теперь уже какой-то голой символичкой. А ведь в годы постройки Шатуры мы еще ели хлеб с полей...

Ракеты, подымавшие ныне к предверью космоса уже двух спутников Земли и открывшие новую эру в мировой науке...

Все это вспоминается не в порядке, может быть, уже немного и привычных сравнений: что было, что есть...

Да разве перечислить все наши новые и обновленные древние города! Москва, так сказать по паспорту, уже более восьмидесяти лет...

любой, новейшей техникой и высотами сложных наук, социалистическим пониманием труда создающего, революционным, партийным опытом борьбы за свои достижения!

ОБРАЩЕНИЕ Верховного Совета СССР телом своим проникло в сердце каждого советского человека. Благодарный призыв высшего органа власти к народу, создавшему эту власть...

Запуск искусственных спутников Земли не просто величайшее достижение технической мысли, это качественно новая ступень в развитии человечества...

Стремительный темп подъема народного хозяйства во всех странах социалистического лагеря — не просто результат большого труда, это также качественно новая ступень — превращение труда в творчество...

В. Маяковский в свое время писал гордую поему о 150.000.000, строящих новое общество. Поэты нашего времени могут писать помы о 950.000.000. Вот как мы зовем и крепим наши ряды!

У каждого из 950.000.000, перешагнувших рубеж сорокалетия Великого Октября и начавших счет первых дней его пятого десятилетия, непременно есть своя заветная мечта.

Какая же мечта у литератора? Написать такую книгу, которая звала бы и вела за собою вперед, которая помогала бы человеку «притащить» тундру, взрывать в недра земли, штурмовать небеса, видеть все радости жизни...

В Оргкомитете Союза писателей РСФСР

Итоги поездки на Алтай. На встречу декады. Новый журнал. Молодое поколение.

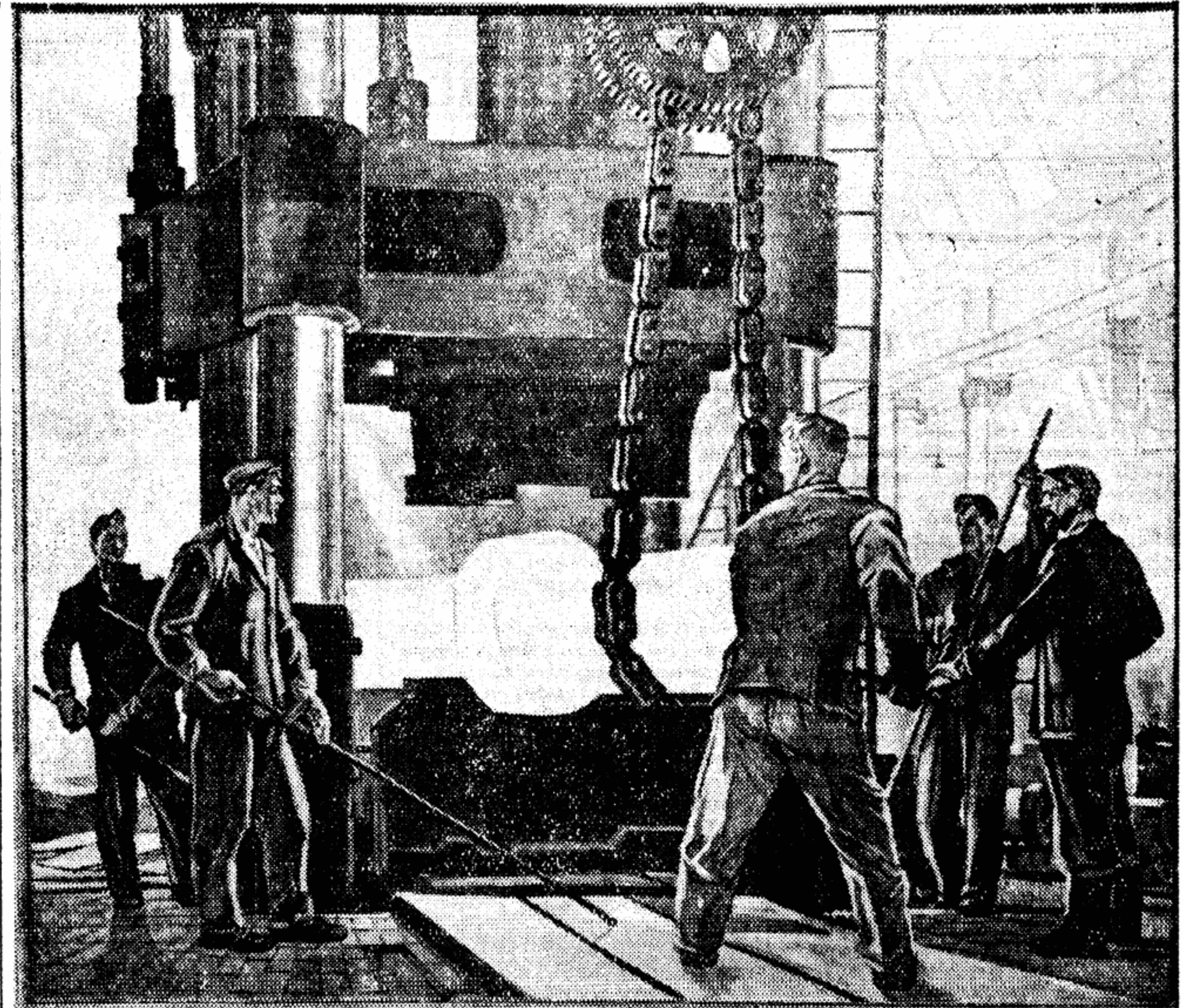
НА Очередном заседании Оргкомитета Союза писателей РСФСР Л. Соболев, С. Васильев и Я. Смеляков рассказали о своей недавней поездке на Алтай. Писатели побывали в колхозных и совхозных полях, познакомились с работой заводов и предприятий местной промышленности...

Для нас одинаково важно было, подчеркнул Соболев, и набраться живых впечатлений, и, где это возможно, самим писательским амьшательством а жизнь помочь труженикам Алтая. О некоторых впечатлениях писателей в беседах с журналистами на протяжении их поездки, несомненно, помогут более полно и конкретно определить те пути, по которым мы сейчас развиваем деятельность Оргкомитета...

Бюро Оргкомитета приняло в члены Союза писателей группу литераторов, живущих в различных районах Алтайской Федерации. Во время недавнего проеховавшего в Москву показа успехов литературы и искусства Карачаево-Черкесской автономной области писательская общественность получила возможность широко ознакомиться с творчеством алтайских литераторов...

Среди новых членов союза — прозаик Александр Реневич, Александр Лыров и Анатолий Знаменский, переводчик Ступак, Равацкий, поэт Пантелеймон Обозров, прозаик и переводчик Сергей Морозов, поэт и прозаик Владимир Ширяев. Все они живут и работают в Юрии АССР.

Примечательна «география» этого приема в члены Союза писателей. Борис Нырцов живет в Мазани, Николай Иванов — в Северной Осетии, Вадим Иванов — в Томске, Александр Мишчик и Василий Попов — на Кубани, Лев Квин — в Барнауле. Примечательно и разнообразие жанров, в которых работают новые члены Союза писателей: прозаик Анатолий Левушкин — поэт, красноареец Михаил Глазус — автор сборников рассказов, фельетонов, очерков, повестей и романа; Майя Сырова — поэт, а Георгий Волков — в Воронеже пишет для детей. Афанасий Донукин из Марийской АССР перевел на свой родной язык «Слово о полку Игореве», Анна Королькова из Воронежа известна как самобитная скитальница...

Кузнецы. Картина художника А. Дайнеки. (Всесоюзная юбилейная художественная выставка)

ВЕЧНОЕ ПЛАМЯ

КАЖДЫЙ, кто хоть раз побывал в Ленинграде, помнит величественный памятник «Жертвам революции», установленный на Марсовом поле. Тут похоронены герои боев против самодержавия и петровградские рабочие, павшие в битвах с юденинскими белобандитами. Здесь могила И. Газа, В. Володарского, Н. Толмачева, М. Урицкого и других участников и деятелей первой в мире пролетарской революции. К этим дорожкам могилы приходят и старые моряки-авароровцы, остающиеся сейчас в Ленинграде, и наши зарубежные гости, приехавшие на празднование 40-летия Октября, и труженики ленинградских заводов и фабрик.

Отдавая дань уважения и признательности борцам революции, погибшим за народное счастье, представители трудящихся города, городских и областных партийных и советских организаций возложили на могильные плиты и гранитные ступени памятника венки и букеты живых цветов. Вечно будет жить в сердцах советских людей память о тех, кто отдал свою жизнь за светлое будущее человечества. Вечно будет пылать жаркий факел у надгробия на Марсовом поле, озаряя высеянными на камне гордые слова: ПРОТИВ БОГАТСТВА, ВЛАСТИ И ЗНАНИЯ ДЛЯ ГОРСТИ ВЫ ВОЙНУ ПОВЕЛИ И С ЧЕСТИЮ ПАЛИ ЗА ТО, ЧТОБЫ БОГАТСТВО, ВЛАСТЬ И ПОЗНАНИЕ СТАЛИ БЫ ЖРЕНБЕМ ОБЩИН. ЛЕНИНГРАД. (Наш корр.)

ВОТ УЖЕ несколько дней бывший Аносковский сквер на крутом Днепровском берегу стал местом паломничества киевлян. Молча проходят люди по широкой главной аллее мимо могил героев Великой Отечественной войны. Их имена высеяны на гранитных плитах: Герой Советского Союза генерал-полковник М. Кирпонос, Герой Советского Союза майор П. Лугса, Герой Советского Союза, Народный Герой Юославии гвардии генерал-майор авиации А. Витрук, Герой Советского Союза подполковник С. Проценко, Герой Советского Союза старшина Н. Гогчашивили...

Ленинград. У памятника «Жертвам революции» на Марсовом поле. Зарисовка художника В. Сердюкова

Кончина товарища Антона Запотоцкого

ПРАГА

Союзу чехословацких писателей

Писатели Советского Союза глубоко скорбят о смерти выдающегося революционного деятеля, верного сына народа Чехословакии Президента Антона Запотоцкого. С именем товарища Запотоцкого связаны лучшие революционные традиции рабочего класса Чехословакии. Безгранично преданный чехословацкому народу, он посвятил всю свою жизнь борьбе за его счастье. Образ Запотоцкого никогда не выгладится из памяти миллионов. Антон Запотоцкий был большим и верным другом нашей страны, нашего народа. Таким он останется всегда в сердцах советских людей. Советские писатели и широкие круги советских читателей знают и любят Запотоцкого и как автора замечательных книг, запечатлевших яркие страницы истории борьбы чешского пролетариата. От всего сердца разделяем вашу великую скорбь. Правление Союза писателей СССР

О ПУТЯХ ЖИЗНИ

В. ЕРМИЛОВ

ПОСТАНОВКА «Золотая карета» на сцене Художественного театра — значительное явление нашей литературно-театральной жизни. Театр сумел с таким творческим, любовным вниманием прочесть пьесу, выявить и заставить звучать все ее мотивы, что еще раз подтвердилась старая и простая истина: настоящая драматургия — это искусство, конечно, самостоятельное и независимое, как литература, — все же настолько связано со сценой, делается для сцены, что пьеса нередко становится по-настоящему в своей подлинной сущности зрелищем, спектаклем, как это случилось, например, когда-то с чеховской «Чайкой». Конечно, для этого спектакль должен быть в уровне с пьесой. Читать «Золотую карету» глазами Художественного театра — значит читать ее так, как она написана.

Снова Леонид Леонов в этой пьесе выступает за строгое и высокое отношение к жизни, как к подвигу, вызывающего зрителя, читателя на раздумье о двух взаимоисключающих степенях существования человека на земле; о трудных и легких путях; о жизни настоящей, за свой счет и для людей, и о жизни за чужой счет и только для себя; о разных вариантах приживальства, выступающих нередко под красивыми масками; о двух пониманях чеховской задачи: строить, прокладывать дороги или стремиться к приятной поездке по укатаным дорогам в даровой золотой карете легкой судьбы. Пьеса наполнена трогательным воздухом войны, ее действие разворачивается все после окончания боев. Но это лишь усиливает, обостряет все ее мотивы и ее главную тему, — самые же эти мотивы и тема сохраняют все свое живое значение и для войны, и для мира. И это показывает прочность произведения, сработанного надолго.

Этой теме, заветной для Леонова, была посвящена и отличная его довоенная пьеса «Обыкновенный человек». Она была более бытовой, непосредственно житейской, более, как говорится, «характерной». В атмосфере «Золотой кареты» гораздо большее значение имеют второй план, образы, устремленные к большому философскому, моральным поэтическим обобщениям. Строгая верность трудной жизненной правде отличает эту пьесу со сказочно легким названием. Язык ее положительных персонажей не всегда индивидуально характерен и порою звучит, а особенно поэтично пьесы с ее лирической монологичностью; язык «Золотой кареты» вместе с тем богат, многообразен, это язык героико-романтический и иронически трезвый, он сверкает неповторимым леоновским колоритом в своей подлинной старинной в своей подлинной сущности зрелищности, юмором, часто сатирическим, презрительно свисаю ранжиром пошлости, подлость, черствую скудость агонизма, трусость, и особенно добрым, когда хочет приласкать хороших людей. Действие «Золотой кареты» — резко выявленное, глубокое и значительное. Противоборствующие в пьесе два отношения к действительности представлены каждое своей группой персонажей, и в свою очередь, каждый персонаж выражает особый вариант одного из двух противопоставленных стилей существования. В пьесе нет нейтральных реплик, каждая стреляет в ту или другую сторону. На войне, как на войне. Это замечательная особенность «Золотой кареты»: в ней действительно идет непрерывная война. Каждый сюжетный ход, каждый мельчайший поворот, каждое слово мысли, кажется, велит движение и веломы действие. Война, только что закончилась, еще дышит горячо, всей грудью, еще далеко не все уплачено по ее счетам, и это выражено и в самой композиции, и во всем поэтическом составе «Золотой кареты». Да и разве закончилась война между героизмом и трусостью, великодушием и малодушием, жизнью для людей, для народа, для человечества — и жизнью в свое брюхо», как любил выражаться Ф. М. Достоевский? Страсть этой войны — страсть пьесы Леонова. Эта страсть имеет прошлое, настоящее и будущее. А в глубине пьесы есть уважительная, дружески-ироническая усмешка над мудро-наивной простотой всем известной сказки об

«Золотая карета» Леонида Леонова на сцене МХАТ

одной очень бедной и очень достойной девчонке, за которой так заслуженно, с такой (если можно так выразиться) волебно естественной прямолинейной справедливостью приехала золотая карета — в награду за скромный свет подвига самоотвержения, который несла эта девчонка. Совсем не так просто, не так очевидно-ясно обстоит дело с золотыми каретами счастья, как об этом рассказывается в сказке, радость и горечь слишком тесно переплетены в жизни, и порою их трудно отделить, потому что одна зовет другую. Парфос сложности жизни, переплетенности в ней противоречий, суровый пафос характерен для пьесы. Конечно, в таких чертах художественного своеобраза «Золотой кареты», как ее устремление к обобщенным поэтическим фигурам-обозначениям авторской мысли, когда порою важно не столько воплотить образы-характеры во всей их индивидуальной конкретности, сколько дать наиболее ясное поэтическое представление о двух образах жизни, страстно утвердив один и гневно осудив другой; в лирическом монологе; в таком «избирательном» отношении к бытовой детали, к непосредственной житейской достоверности, когда берет только такая деталь, которая служит выявлению «второго плана», философскому поэтическому обобщению, — во всех этих особенностях «Золотой кареты» сказываются и романтические элементы драматургической поэтики Леонова. Романтическая окраска пьесы усиливает ее трезвую правду, ее суровый, жесткий реализм. Так пьеса Леонова служит одним из весомых доказательств художественной широты социалистического реализма, вмещающего в себя самые разные индивидуальные поэтические системы, художественные манеры. ПОЛКОВНИК Березкин. Проставленный командир танковой дивизии, вышедший в отставку по конту-

«Золотая карета» Леонида Леонова на сцене МХАТ

решения, у которого война отняла жену и дочь, негибнемый человек, воплощающий беспощадную, гневную и великодушную справедливость войны; бывший танкист Тимоша, готовившийся в звездочеты и потерявший зрение на войне; Мария Сергеевна Щелканова, председатель герсовета в старинном русском городке, злодейски разрушенном вражескими бомбами, — главные персонажи первой группы. Академик Кареев, его сестра — и живущий полнокровной художественной жизнью! — супруг Марии Сергеевны, представляющий собою «восьмидесят шесть килограммов мужской красоты», — нес ничтожество, трусость, предательство, — главные персонажи второй группы. И юная Марья, дочь Марии Сергеевны, примыкающая к первой группе, но колеблющаяся, потянувшаяся на мгновение за мелькнувшим призраком волшебной кареты, вдруг приехавшей за нею без всяких еще с ее стороны подвигов и заслуг... Все эти персонажи встречаются в городе, любовь к которому сумел внушить нам автор. — городке со старинными святынями, городке, как бы представляющем Россию. Мы подошли к композиции пьесы и хотим подчеркнуть, что эту композицию следует внимательно изучать, как анатомию настоящей большой драматургии. Перед нами исключительно удачный пример органического, подлинно живого, неразрывного сплетения, единства разнообразных сюжетных линий, когда развитие, движение каждой данной сюжетной линии одновременно означает и развитие, движение других сюжетных линий, так что как только мы от одной сюжетной линии переходим к другой, то убеждаемся в том, что эта вторая уже успела продвигнуться, измениться в результате продвижения, изменения первой (конечно, тут очередность: «первая», «вторая» условны). Сюжетно движущей фигурой пьесы является фигура войны — фигура полковника Березкина. Его послал гнев войны, гнев народа. Он приехал в этот городок потому, что еще в дни боев дал вкляту покарать дезертира, не выполнившего важного

«Золотая карета» Леонида Леонова на сцене МХАТ

боевого задания. Этот предатель — муж Марии Сергеевны Щелкановой. В руках полковника — собственноручное письмо шкурника, изобличающее того в измене. Полковник знакомит с этим письмом Марию Сергеевну. Она уже давно знает цену своему мужу — развратному, лустому негодю. Завернуть она дополнительно не узнает, что он еще и трус. Действие пьесы развивается по двум главным сюжетным линиям. Два поколения — два любовных треугольника. Первый — Мария Сергеевна, академик Кареев и супруг Марии Сергеевны. Второй — Марья, дочка Марии Сергеевны, Тимоша и сын академика Кареева Юлий. Двадцать шесть лет назад от начала действия пьесы нищий учитель Кареев в провинциальном городке полюбил Машеньку, ныне Марию Сергеевну Щелканову, «городничку», тогда — дочку «состоятельных» родителей. Отец Машеньки рассердился на голодраница за его неуместную любовь и велел ему исчезнуть, указав, что за такой невестой, как Машенька, можно прийти лишь в золотой карете. И учитель Кареев — добывая золотую карету — А Машенька не бросилась вслед за ним... И вот он возвращается через двадцать шесть лет, прославившись, именитый. Двадцать шесть лет промчал он об этой минуте торжества, — когда придет к ней, чтобы осветить ее сверканьем своей блистательной судьбы, показать, как она виновата перед ним, перед собой, перед любовью, убитой справедливой смертью. Эта мечта и была пафосом всей его жизни. Казалось бы, все ясно, и он прав в своей заслуженной мести, и жизнь его победоносна. Он не захлебнулся, не был у жизни приживалом, не шел легкой дорожкой, все добыл он бесконечным трудом разведника земных недр. А она понесла заслуженную кару за то, что убила свою первую и единственную любовь. Ее супруг, сумевший когда-то увлечь ее ложным блеском, — фальшивый человек, — и есть воплощение кары, постигшей Марию Сергеевну. Теперь, к моменту ее встречи со своей первой любовью, все, кажется, подготовлено к тому, (Окончание на 3-й стр.)

ВЕЛИКОЕ СОРОКАЛЕТИЕ

«Литературная газета» обратилась в эти дни к ряду советских писателей с просьбой рассказать о наиболее памятных для них годах великого сорокалетия, о поездках, встречах и впечатлениях, о своей работе в канун славного юбилея и творческих замислах. Нашему корреспонденту рассказали...

Павел БЕСПОЩАДНЫЙ

НАМ, людям старшего поколения, Октябрь дал право на поэтическое слово. Ему посвящены наш труд, наши песни, раскрытые настежь сердца. К сорокалетию вышла моя поэма «Донецкие зарницы» о труде шахтостроителей Донбасса, о встрече с Лениным на Всероссийском учредительном съезде горнорабочих в 1920 году, на котором Ильич сказал, что уголь — это настоящий хлеб промышленности.

Работая над поэмой «Крылатый Ермак». Это поэма о старом шахтерском буденновце, вестовом командира, сподвижнике легендарного забойщика Никиты Изотова. Ермак героически погиб от рук гитлеровцев в Горловке.

Не забыть мне строк донецких гигантов, вереницу копов в степи. А самое незабываемое — совсем близко.

В сентябре мой напарник по Селезеньковской шахте Емельянин поступал в школу, грохнул баском: «Москвич» друпу подан! Махнул к Донцу в гости, посмотрим работу наших наследников! Собралась дружная бригада — несколько человек — и двинулся в путь. «Победа» и «Москвич» мчатся осекающей стеной вдоль трассы нового канала Северный Донец — Донбасс. Беспеченные батальоны машин прокладывают многоверстную дорогу воде. Комсомольцы, молодежь — надежная смена. «Смотри, как вези в работу землю, не то, что мы когда-то ковыряли бушками. Это — чудо степи!» — восторженно говорит Емельянич. Прав он, прав!

Не сдержат в душе приветной песни.

С партией шагаю и творю,

Мы приближим этот день чудесный:

Зашумят шахтерские моря,

Зашумят сады у эстакады,

Всколосятся тучные поля,

Вольные вод кипучие каскады

Оживят тебя, мой земля.

ГОРЛОВКА

Юрий РЫТХУ

НА ЗЕМЛЮ падал мокрый, тяжелый снег. Он густо ложился на дно длинной, глубокой канавы, выкопанной вдоль единственной улицы нашего стайбища. Странно было видеть развороченную землю: чужие сроду не пахали и не рыли могли. На дно канавы уложили толстый электрический кабель, похожий на моржовую кичку. От тяжелых столбов к каждой яранге протянули провода и повесили лампочки: одну в пологие, а другую в наружном помещении — сенцах, где жили собаки. В конце улицы, как сказочный великан, стоял тракторист, готовый начать нелегкую работу по превращению ветра в свет. Он был железным, но казался нам таинственным, одушевленным волшебником.

Наступил вечер. Наша семья собралась в своей яранге. Мы в ожидании глядели на подвешенный к потолку стеклянный пузырек. Он был совсем маленький, этот пузырек, и, чтобы рассмотреть его, нужно было подерживать в жирных сильных огнях. От долгого ожидания в душу закрадывалось сомнение: неужели этот злой, холодный, задувающий огонь ветер может зажечь свет?

Но вот, наконец, лампочка вспыхнула ослепительным, никогда не виданным светом. И несмотря на то, что мы с минуты на минуту ждали: вот-вот она загорится, — это было так неожиданно! Мой дядя, человек железного спокойствия, не раз ходивший на Белого Медведя с единственным патроном, уронил на колени чашу с горячим чаем; а сенья, где горела вторая лампочка, завалил собаку...

Мы смотрели на этот волшебный свет до боли в глазах, и в сердце каждого из нас росло великое чувство восхищения силой свободного разума, гордостью за человека, способного сотворить такое чудо.

Именно эти чувства я снова испытал недавно, узнав о запуске советского искусственного спутника Земли.

Жизни возрожденного моего народа посвящена моя последняя книга «Чукотская сага». Она — как бы итог всей моей проделанной работы.

Писатель я еще молодой и поэтому говорить о своих творческих планах остротой. Разумеется, не оттого, что планы мои скромны. Скорее, наоборот...

Одно могу с уверенностью сказать: работать буду с еще большей энергией, относиться к себе буду еще строже, чтобы полнее отразить в своих книгах душевный мир и труд советского человека.

ЧУКОТКА

Алексей ТАЛВИР

Я ПРИНАДЛЕЖУ к поколению комсомольцев тридцатых годов. Борьба с кулачеством в деревне, ударные бригады на новейших первых пятилеток, учеба на рабфаке и в институте, шефство комсомола над флотом и авиацией, сбор средств для испанских детей-сирот — все это приметы пути, пройденного моим поколением. Замечательных людей дало оно, людей смелых, честных, мужественных, людей великой отваги и великой любви к Родине, Коммунистической партии, людей, сплоченных животворящей идеей дружбы народов.

Им, моим сверстникам, строителям и воинам, народным самородкам и ученым, я посвящаю свой новый роман, над которым работал последние два года. Сейчас мне предстоит завершить начатую повесть о юношах и девушках — борцах за мир во всем мире.

А о том, какие впечатления произвели на меня встречи с главным конструктором первого крылатого катаера «Ракетар» П. Е. Алексеевым и с капитаном судна Героем Советского Союза М. П. Давыташвили, о содружестве двух этих мужественных людей, а также о людях науки и культуры Чухаши, Татарии и Башкирии, с которыми я имел многочисленные встречи в последние времена, я задумал написать книгу очерков.

Быстро идет время. Быстро изменяется облик национальных республик Поволжья. Надо только найти слова и краски, чтобы создать достойные произведения о величайших делах своего народа.

ЧЕБОКСАРЫ

Гвозди 6

делать из этих людей...

И поужие идут вести: у белых объявились новые «воеводы» — два купца братья Меркуловы со всяким сбродами, но немалым воинством. Заняли Хабаровск и закрепились на озере Волочаевской, зимовать собираются, а весной хотят двинуться на запад, на коренную Россию, — вот до чего додумались белые, пока моряк Гурко долечивался, а потом подучивался на командирских курсах.

Такой строгий порядок складывался в отрядах. Вяли партизаны в Иркутске «правителя» Колчака, поговорили сколько надо, доставили без повреждений в ревтрибунал и тут именем революционного закона порешили: в расход. Пеллепелва так же в полном порядке кончала. Атамана Калмыкова не догнали — убежал в Китай. Там ревтрибунал не было, но китайские крестьяне исполнили волю трудового народа. Атаман Семенов сбежал к японцам, те приоткрыли его. А Унгерн зашел в Монголию. Тут его надо было добыть в полном порядке.

Нравится этот порядок матросу-коммунисту Гурко, что скачет в голове отряда. Кони у партизан получше, посвежее, чем у тех унгерновцев. А у Гурко байский конек, маленький, но злой, как черт, и неутомимый. Седло тоже байское с красивой насечкой. Значит, в бою Гурко обеснечит порядок, которого требует Кеша.

Так мечталось. Да не вышло: дурная пуля уложила коня. Пехотинку в пустыне хуже, чем конину. Однако отставать нельзя. Бегит матрос вслед за отрядом, вскинув на плеч узорчатое седло. И тут какой-то шальной белогвардеец, отставший от унгерновцев, вылезает из-за куста и кидается на матроса с шашкой. Гурко, как цитом, прикрывается седлом — вишь, пригодилось. Но белая оказалась умным бойцом, он уже не рубает, а тычет шашкой, как рапирой. Бросил матрос седло, а карабин без штыка. Все равно, ткнул им матрос в осклаченный рот врага, в самое горло, и сел: сил не было догонять отряд, крови от раны много ушло.

Грустит моряк в пустыне; без него будут кончать Унгерна.

И кончали Унгерна в том двадцать первом году: вяли его в полном порядке и доставили в ревтрибунал. Отряд же Кеша Мичуры кончат унгерновцев уже без Унгерна.

Пока летит матроса Гурко в Чите, хорошие вести идут из Приморья: американцы уходят, японцы уже не кидаются сами, а только подбрасывают оружие белым.

И это было выполнено. С ТАКИМИ каторжниками Лукьянич говорил Гурко: — Счастливые вы люди, комиссар! Поднялись и захватили всю землю от твоей родной Белоруссии до Тихого океана. Теперь только и пахать.

И это было выполнено. С ТАКИМИ каторжниками Лукьянич говорил Гурко: — Счастливые вы люди, комиссар! Поднялись и захватили всю землю от твоей родной Белоруссии до Тихого океана. Теперь только и пахать.

И это было выполнено. С ТАКИМИ каторжниками Лукьянич говорил Гурко: — Счастливые вы люди, комиссар! Поднялись и захватили всю землю от твоей родной Белоруссии до Тихого океана. Теперь только и пахать.

И это было выполнено. С ТАКИМИ каторжниками Лукьянич говорил Гурко: — Счастливые вы люди, комиссар! Поднялись и захватили всю землю от твоей родной Белоруссии до Тихого океана. Теперь только и пахать.

И это было выполнено. С ТАКИМИ каторжниками Лукьянич говорил Гурко: — Счастливые вы люди, комиссар! Поднялись и захватили всю землю от твоей родной Белоруссии до Тихого океана. Теперь только и пахать.

И это было выполнено. С ТАКИМИ каторжниками Лукьянич говорил Гурко: — Счастливые вы люди, комиссар! Поднялись и захватили всю землю от твоей родной Белоруссии до Тихого океана. Теперь только и пахать.

И это было выполнено. С ТАКИМИ каторжниками Лукьянич говорил Гурко: — Счастливые вы люди, комиссар! Поднялись и захватили всю землю от твоей родной Белоруссии до Тихого океана. Теперь только и пахать.

И это было выполнено. С ТАКИМИ каторжниками Лукьянич говорил Гурко: — Счастливые вы люди, комиссар! Поднялись и захватили всю землю от твоей родной Белоруссии до Тихого океана. Теперь только и пахать.

И это было выполнено. С ТАКИМИ каторжниками Лукьянич говорил Гурко: — Счастливые вы люди, комиссар! Поднялись и захватили всю землю от твоей родной Белоруссии до Тихого океана. Теперь только и пахать.

И это было выполнено. С ТАКИМИ каторжниками Лукьянич говорил Гурко: — Счастливые вы люди, комиссар! Поднялись и захватили всю землю от твоей родной Белоруссии до Тихого океана. Теперь только и пахать.

И это было выполнено. С ТАКИМИ каторжниками Лукьянич говорил Гурко: — Счастливые вы люди, комиссар! Поднялись и захватили всю землю от твоей родной Белоруссии до Тихого океана. Теперь только и пахать.

И это было выполнено. С ТАКИМИ каторжниками Лукьянич говорил Гурко: — Счастливые вы люди, комиссар! Поднялись и захватили всю землю от твоей родной Белоруссии до Тихого океана. Теперь только и пахать.

И это было выполнено. С ТАКИМИ каторжниками Лукьянич говорил Гурко: — Счастливые вы люди, комиссар! Поднялись и захватили всю землю от твоей родной Белоруссии до Тихого океана. Теперь только и пахать.

И это было выполнено. С ТАКИМИ каторжниками Лукьянич говорил Гурко: — Счастливые вы люди, комиссар! Поднялись и захватили всю землю от твоей родной Белоруссии до Тихого океана. Теперь только и пахать.

И это было выполнено. С ТАКИМИ каторжниками Лукьянич говорил Гурко: — Счастливые вы люди, комиссар! Поднялись и захватили всю землю от твоей родной Белоруссии до Тихого океана. Теперь только и пахать.

И это было выполнено. С ТАКИМИ каторжниками Лукьянич говорил Гурко: — Счастливые вы люди, комиссар! Поднялись и захватили всю землю от твоей родной Белоруссии до Тихого океана. Теперь только и пахать.

И это было выполнено. С ТАКИМИ каторжниками Лукьянич говорил Гурко: — Счастливые вы люди, комиссар! Поднялись и захватили всю землю от твоей родной Белоруссии до Тихого океана. Теперь только и пахать.

И это было выполнено. С ТАКИМИ каторжниками Лукьянич говорил Гурко: — Счастливые вы люди, комиссар! Поднялись и захватили всю землю от твоей родной Белоруссии до Тихого океана. Теперь только и пахать.

И это было выполнено. С ТАКИМИ каторжниками Лукьянич говорил Гурко: — Счастливые вы люди, комиссар! Поднялись и захватили всю землю от твоей родной Белоруссии до Тихого океана. Теперь только и пахать.

И это было выполнено. С ТАКИМИ каторжниками Лукьянич говорил Гурко: — Счастливые вы люди, комиссар! Поднялись и захватили всю землю от твоей родной Белоруссии до Тихого океана. Теперь только и пахать.

И это было выполнено. С ТАКИМИ каторжниками Лукьянич говорил Гурко: — Счастливые вы люди, комиссар! Поднялись и захватили всю землю от твоей родной Белоруссии до Тихого океана. Теперь только и пахать.

И это было выполнено. С ТАКИМИ каторжниками Лукьянич говорил Гурко: — Счастливые вы люди, комиссар! Поднялись и захватили всю землю от твоей родной Белоруссии до Тихого океана. Теперь только и пахать.

И это было выполнено. С ТАКИМИ каторжниками Лукьянич говорил Гурко: — Счастливые вы люди, комиссар! Поднялись и захватили всю землю от твоей родной Белоруссии до Тихого океана. Теперь только и пахать.

И это было выполнено. С ТАКИМИ каторжниками Лукьянич говорил Гурко: — Счастливые вы люди, комиссар! Поднялись и захватили всю землю от твоей родной Белоруссии до Тихого океана. Теперь только и пахать.

И это было выполнено. С ТАКИМИ каторжниками Лукьянич говорил Гурко: — Счастливые вы люди, комиссар! Поднялись и захватили всю землю от твоей родной Белоруссии до Тихого океана. Теперь только и пахать.

И это было выполнено. С ТАКИМИ каторжниками Лукьянич говорил Гурко: — Счастливые вы люди, комиссар! Поднялись и захватили всю землю от твоей родной Белоруссии до Тихого океана. Теперь только и пахать.

И это было выполнено. С ТАКИМИ каторжниками Лукьянич говорил Гурко: — Счастливые вы люди, комиссар! Поднялись и захватили всю землю от твоей родной Белоруссии до Тихого океана. Теперь только и пахать.

И это было выполнено. С ТАКИМИ каторжниками Лукьянич говорил Гурко: — Счастливые вы люди, комиссар! Поднялись и захватили всю землю от твоей родной Белоруссии до Тихого океана. Теперь только и пахать.

И это было выполнено. С ТАКИМИ каторжниками Лукьянич говорил Гурко: — Счастливые вы люди, комиссар! Поднялись и захватили всю землю от твоей родной Белоруссии до Тихого океана. Теперь только и пахать.

И это было выполнено. С ТАКИМИ каторжниками Лукьянич говорил Гурко: — Счастливые вы люди, комиссар! Поднялись и захватили всю землю от твоей родной Белоруссии до Тихого океана. Теперь только и пахать.

И это было выполнено. С ТАКИМИ каторжниками Лукьянич говорил Гурко: — Счастливые вы люди, комиссар! Поднялись и захватили всю землю от твоей родной Белоруссии до Тихого океана. Теперь только и пахать.

И это было выполнено. С ТАКИМИ каторжниками Лукьянич говорил Гурко: — Счастливые вы люди, комиссар! Поднялись и захватили всю землю от твоей родной Белоруссии до Тихого океана. Теперь только и пахать.

И это было выполнено. С ТАКИМИ каторжниками Лукьянич говорил Гурко: — Счастливые вы люди, комиссар! Поднялись и захватили всю землю от твоей родной Белоруссии до Тихого океана. Теперь только и пахать.

Гвозди 6

делать из этих людей...

И поужие идут вести: у белых объявились новые «воеводы» — два купца братья Меркуловы со всяким сбродами, но немалым воинством. Заняли Хабаровск и закрепились на озере Волочаевской, зимовать собираются, а весной хотят двинуться на запад, на коренную Россию, — вот до чего додумались белые, пока моряк Гурко долечивался, а потом подучивался на командирских курсах.

Такой строгий порядок складывался в отрядах. Вяли партизаны в Иркутске «правителя» Колчака, поговорили сколько надо, доставили без повреждений в ревтрибунал и тут именем революционного закона порешили: в расход. Пеллепелва так же в полном порядке кончала. Атамана Калмыкова не догнали — убежал в Китай. Там ревтрибунал не было, но китайские крестьяне исполнили волю трудового народа. Атаман Семенов сбежал к японцам, те приоткрыли его. А Унгерн зашел в Монголию. Тут его надо было добыть в полном порядке.

Нравится этот порядок матросу-коммунисту Гурко, что скачет в голове отряда. Кони у партизан получше, посвежее, чем у тех унгерновцев. А у Гурко байский конек, маленький, но злой, как черт, и неутомимый. Седло тоже байское с красивой насечкой. Значит, в бою Гурко обеснечит порядок, которого требует Кеша.

Так мечталось. Да не вышло: дурная пуля уложила коня. Пехотинку в пустыне хуже, чем конину. Однако отставать нельзя. Бегит матрос вслед за отрядом, вскинув на плеч узорчатое седло. И тут какой-то шальной белогвардеец, отставший от унгерновцев, вылезает из-за куста и кидается на матроса с шашкой. Гурко, как цитом, прикрывается седлом — вишь, пригодилось. Но белая оказалась умным бойцом, он уже не рубает, а тычет шашкой, как рапирой. Бросил матрос седло, а карабин без штыка. Все равно, ткнул им матрос в осклаченный рот врага, в самое горло, и сел: сил не было догонять отряд, крови от раны много ушло.

Грустит моряк в пустыне; без него будут кончать Унгерна.

И кончали Унгерна в том двадцать первом году: вяли его в полном порядке и доставили в ревтрибунал. Отряд же Кеша Мичуры кончат унгерновцев уже без Унгерна.

Пока летит матроса Гурко в Чите, хорошие вести идут из Приморья: американцы уходят, японцы уже не кидаются сами, а только подбрасывают оружие белым.

И это было выполнено. С ТАКИМИ каторжниками Лукьянич говорил Гурко: — Счастливые вы люди, комиссар! Поднялись и захватили всю землю от твоей родной Белоруссии до Тихого океана. Теперь только и пахать.

И это было выполнено. С ТАКИМИ каторжниками Лукьянич говорил Гурко: — Счастливые вы люди, комиссар! Поднялись и захватили всю землю от твоей родной Белоруссии до Тихого океана. Теперь только и пахать.

И это было выполнено. С ТАКИМИ каторжниками Лукьянич говорил Гурко: — Счастливые вы люди, комиссар! Поднялись и захватили всю землю от твоей родной Белоруссии до Тихого океана. Теперь только и пахать.

И это было выполнено. С ТАКИМИ каторжниками Лукьянич говорил Гурко: — Счастливые вы люди, комиссар! Поднялись и захватили всю землю от твоей родной Белоруссии до Тихого океана. Теперь только и пахать.

И это было выполнено. С ТАКИМИ каторжниками Лукьянич говорил Гурко: — Счастливые вы люди, комиссар! Поднялись и захватили всю землю от твоей родной Белоруссии до Тихого океана. Теперь только и пахать.

И это было выполнено. С ТАКИМИ каторжниками Лукьянич говорил Гурко: — Счастливые вы люди, комиссар! Поднялись и захватили всю землю от твоей родной Белоруссии до Тихого океана. Теперь только и пахать.

И это было выполнено. С ТАКИМИ каторжниками Лукьянич говорил Гурко: — Счастливые вы люди, комиссар! Поднялись и захватили всю землю от твоей родной Белоруссии до Тихого океана. Теперь только и пахать.

И это было выполнено. С ТАКИМИ каторжниками Лукьянич говорил Гурко: — Счастливые вы люди, комиссар! Поднялись и захватили всю землю от твоей родной Белоруссии до Тихого океана. Теперь только и пахать.

И это было выполнено. С ТАКИМИ каторжниками Лукьянич говорил Гурко: — Счастливые вы люди, комиссар! Поднялись и захватили всю землю от твоей родной Белоруссии до Тихого океана. Теперь только и пахать.

И это было выполнено. С ТАКИМИ каторжниками Лукьянич говорил Гурко: — Счастливые вы люди, комиссар! Поднялись и захватили всю землю от твоей родной Белоруссии до Тихого океана. Теперь только и пахать.

И это было выполнено. С ТАКИМИ каторжниками Лукьянич говорил Гурко: — Счастливые вы люди, комиссар! Поднялись и захватили всю землю от твоей родной Белоруссии до Тихого океана. Теперь только и пахать.

И это было выполнено. С ТАКИМИ каторжниками Лукьянич говорил Гурко: — Счастливые вы люди, комиссар! Поднялись и захватили всю землю от твоей родной Белоруссии до Тихого океана. Теперь только и пахать.

И это было выполнено. С ТАКИМИ каторжниками Лукьянич говорил Гурко: — Счастливые вы люди, комиссар! Поднялись и захватили всю землю от твоей родной Белоруссии до Тихого океана. Теперь только и пахать.

И это было выполнено. С ТАКИМИ каторжниками Лукьянич говорил Гурко: — Счастливые вы люди, комиссар! Поднялись и захватили всю землю от твоей родной Белоруссии до Тихого океана. Теперь только и пахать.

И это было выполнено. С ТАКИМИ каторжниками Лукьянич говорил Гурко: — Счастливые вы люди, комиссар! Поднялись и захватили всю землю от твоей родной Белоруссии до Тихого океана. Теперь только и пахать.

И это было выполнено. С ТАКИМИ каторжниками Лукьянич говорил Гурко: — Счастливые вы люди, комиссар! Поднялись и захватили всю землю от твоей родной Белоруссии до Тихого океана. Теперь только и пахать.

И это было выполнено. С ТАКИМИ каторжниками Лукьянич говорил Гурко: — Счастливые вы люди, комиссар! Поднялись и захватили всю землю от твоей родной Белоруссии до Тихого океана. Теперь только и пахать.

И это было выполнено. С ТАКИМИ каторжниками Лукьянич говорил Гурко: — Счастливые вы люди, комиссар! Поднялись и захватили всю землю от твоей родной Белоруссии до Тихого океана. Теперь только и пахать.

И это было выполнено. С ТАКИМИ каторжниками Лукьянич говорил Гурко: — Счастливые вы люди, комиссар! Поднялись и захватили всю землю от твоей родной Белоруссии до Тихого океана. Теперь только и пахать.

И это было выполнено. С ТАКИМИ каторжниками Лукьянич говорил Гурко: — Счастливые вы люди, комиссар! Поднялись и захватили всю землю от твоей родной Белоруссии до Тихого океана. Теперь только и пахать.

И это было выполнено. С ТАКИМИ каторжниками Лукьянич говорил Гурко: — Счастливые вы люди, комиссар! Поднялись и захватили всю землю от твоей родной Белоруссии до Тихого океана. Теперь только и пахать.

И это было выполнено. С ТАКИМИ каторжниками Лукьянич говорил Гурко: — Счастливые вы люди, комиссар! Поднялись и захватили всю землю от твоей родной Белоруссии до Тихого океана. Теперь только и пахать.

И это было выполнено. С ТАКИМИ каторжниками Лукьянич говорил Гурко: — Счастливые вы люди, комиссар! Поднялись и захватили всю землю от твоей родной Белоруссии до Тихого океана. Теперь только и пахать.

И это было выполнено. С ТАКИМИ каторжниками Лукьянич говорил Гурко: — Счастливые вы люди, комиссар! Поднялись и захватили всю землю от твоей родной Белоруссии до Тихого океана. Теперь только и пахать.

И это было выполнено. С ТАКИМИ каторжниками Лукьянич говорил Гурко: — Счастливые вы люди, комиссар! Поднялись и захватили всю землю от твоей родной Белоруссии до Тихого океана. Теперь только и пахать.

И это было выполнено. С ТАКИМИ каторжниками Лукьянич говорил Гурко: — Счастливые вы люди, комиссар! Поднялись и захватили всю землю от твоей родной Белоруссии до Тихого океана. Теперь только и пахать.

И это было выполнено. С ТАКИМИ каторжниками Лукьянич говорил Гурко: — Счастливые вы люди, комиссар! Поднялись и захватили всю землю от твоей родной Белоруссии до Тихого океана. Теперь только и пахать.

И это было выполнено. С ТАКИМИ каторжниками Лукьянич говорил Гурко: — Счастливые вы люди, комиссар! Поднялись и захватили всю землю от твоей родной Белоруссии до Тихого океана. Теперь только и пахать.

И это было выполнено. С ТАКИМИ каторжниками Лукьянич говорил Гурко: — Счастливые вы люди, комиссар! Поднялись и захватили всю землю от твоей родной Белоруссии до Тихого океана. Теперь только и пахать.

И это было выполнено. С ТАКИМИ каторжниками Лукьянич говорил Гурко: — Счастливые вы люди, комиссар! Поднялись и захватили всю землю от твоей родной Белоруссии до Тихого океана. Теперь только и пахать.

И это было выполнено. С ТАКИМИ каторжниками Лукьянич говорил Гурко: — Счастливые вы люди, комиссар! Поднялись и захватили всю землю от твоей родной Белоруссии до Тихого океана. Теперь только и пахать.

И это было выполнено. С ТАКИМИ каторжниками Лукьянич говорил Гурко: — Счастливые вы люди, комиссар! Поднялись и захватили всю землю от твоей родной Белоруссии до Тихого океана. Теперь только и пахать.

И это было выполнено. С ТАКИМИ каторжниками Лукьянич говорил Гурко: — Счастливые вы люди, комиссар! Поднялись и захватили всю землю от твоей родной Белоруссии до Тихого океана. Теперь только и пахать.

И это было выполнено. С ТАКИМИ каторжниками Лукьянич говорил Гурко: — Счастливые вы люди, комиссар! Поднялись и захватили всю землю от твоей родной Белоруссии до Тихого океана. Теперь только и пахать.

И это было выполнено. С ТАКИМИ каторжниками Лукьянич говорил Гурко: — Счастливые вы люди, комиссар! Поднялись и захватили всю землю от твоей родной Белоруссии до Тихого океана. Теперь только и пахать.

Гвозди 6

делать из этих людей...

И поужие идут вести: у белых объявились новые «воеводы» — два купца братья Меркуловы со всяким сбродами, но немалым воинством. Заняли Хабаровск и закрепились на озере Волочаевской, зимовать собираются, а весной хотят двинуться на запад, на коренную Россию, — вот до чего додумались белые, пока моряк Гурко долечивался, а потом подучивался на командирских курсах.

Такой строгий порядок складывался в отрядах. Вяли партизаны в Иркутске «правителя» Колчака, поговорили сколько надо, доставили без повреждений в ревтрибунал и тут именем революционного закона порешили: в расход. Пеллепелва так же в полном порядке кончала. Атамана Калмыкова не догнали — убежал в Китай. Там ревтрибунал не было, но китайские крестьяне исполнили волю трудового народа. Атаман Семенов сбежал к японцам, те приоткрыли его. А Унгерн зашел в Монголию. Тут его надо было добыть в полном порядке.

Нравится этот порядок матросу-коммунисту Гурко, что скачет в голове отряда. Кони у партизан получше, посвежее, чем у тех унгерновцев. А у Гурко байский конек, маленький, но злой, как черт, и неутомимый. Седло тоже байское с красивой насечкой. Значит, в бою Гурко обеснечит порядок, которого требует Кеша.

Так мечталось. Да не вышло: дурная пуля уложила коня. Пехотинку в пустыне хуже, чем конину. Однако отставать нельзя. Бегит матрос вслед за отрядом, вскинув на плеч узорчатое седло. И тут какой-то шальной белогвардеец, отставший от унгерновцев, вылезает из-за куста и кидается на матроса с шашкой. Гурко, как цитом, прикрывается седлом — вишь, пригодилось. Но белая оказалась умным бойцом, он уже не рубает, а тычет шашкой, как рапирой. Бросил матрос седло, а карабин без штыка. Все равно, ткнул им матрос в осклаченный рот врага, в самое горло, и сел: сил не было догонять отряд, крови от раны много ушло.

Грустит моряк в пустыне; без него будут кончать Унгерна.

И кончали Унгерна в том двадцать первом году: вяли его в полном порядке и доставили в ревтрибунал. Отряд же Кеша Мичуры кончат унгерновцев уже без Унгерна.

Пока летит матроса Гурко в Чите, хорошие вести идут из Приморья: американцы уходят, японцы уже не кидаются сами, а только подбрасывают оружие белым.

тобы они, еще не старые, еще только стареющие люди, могли исправить ошибки и пройти оставшийся жизненный путь вместе...

И Мария Сергеевна Шелканова в решающую минуту народных испытаний оказывается такой же богатой и щедрой, потюху что жизнь ее была жизнью для людей...

Но ведь Николай Степанович Кареев такой видный, такой нужный человек! Может быть, его личная неполноценность и купается целиком и полностью его трудом...

Сцена из спектакля «Золотая карета» в постановке МХАТ. На снимке (слева) — Тимоша (арт. Л. Губанов) и Березкина (арт. В. Орлов).

Вот здесь Леонов и ломает строгость возможной схемы, подчеркивая сложность, противоречивость, реальность жизни. Он не награждает счастьем «улыбкою прощальной» любви ни того, ни другого...

Торитетом матери она готова санкционировать эту любовь. Так гнев и великодушная война, воплощенные в образе полковника Березкина...

И тут ясно видно живое сцепление в тугую узел всех главных сюжетных мотивов пьесы: линии полковника Березкина и обоих «треугольников».

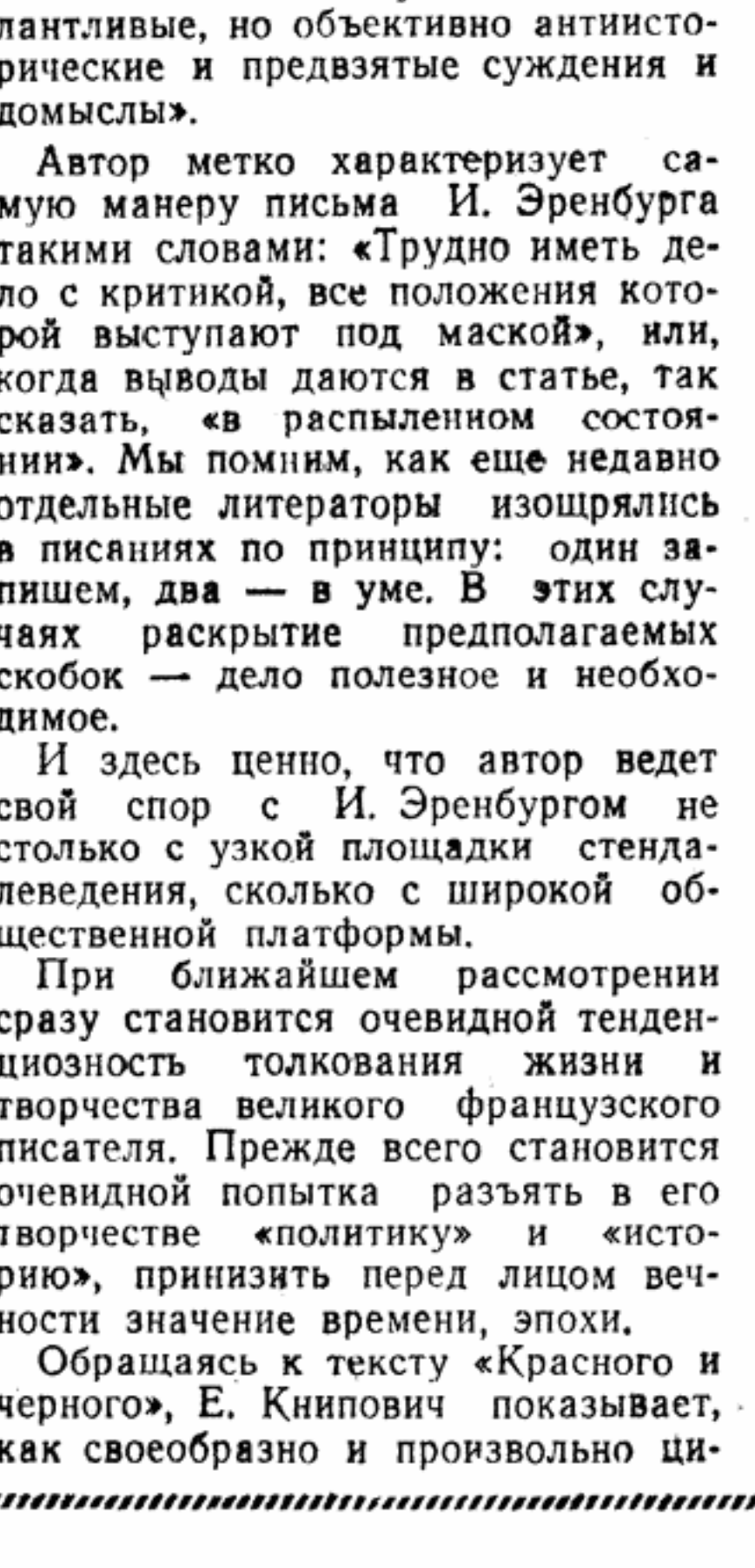

Сцена из спектакля «Золотая карета» в постановке МХАТ. На снимке (справа) — Тимоша (арт. Л. Губанов) и Березкина (арт. В. Орлов).

Полковник Березкин недаром выиграл наказ войны. Изображение в трусости Сергея Шелканова не только усилило разрыв Марии Сергеевны со своим мужем...

ДАННАЯ СТАТЬЯ представляет собой лишь драматургическую, а не драматургическо-театральную рецензию. Но нельзя не сказать о большой удаче Художественного театра...

Фанрик Рахума — это блеск и щедрость леоновской фантазии, это та неожиданность, тот юмор самой жизни, которые можно встретить только у большого художника...

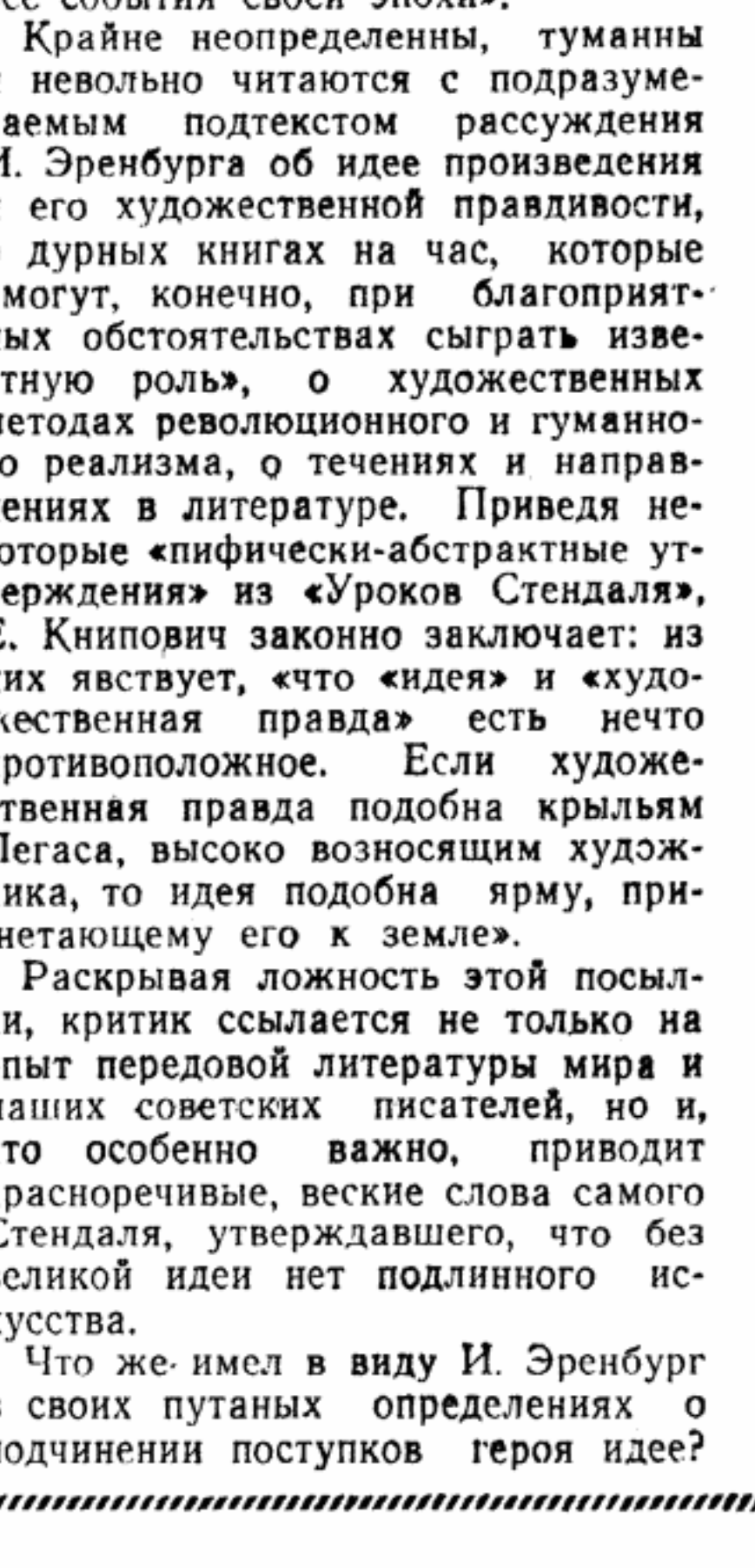

Сцена из спектакля «Золотая карета» в постановке МХАТ. На снимке (справа) — Тимоша (арт. Л. Губанов) и Березкина (арт. В. Орлов).

Можно спорить о том, насколько удачно и сильно выписаны отрицательные образы в романе Г. Николаевой. Но в ходе романа понятие «школа» Валыгана раскрыто явно недостаточно.

В трагическом. Война все отняла у Марии Сергеевны: его семья была растрачена в «одном местечке» под названием Баби Яр...

Все свое редкое артистическое обаяние, изумительный голос, передающий все оттенки солдатского гнева и солдатского великодушья, точность жеста, благородную простоту...

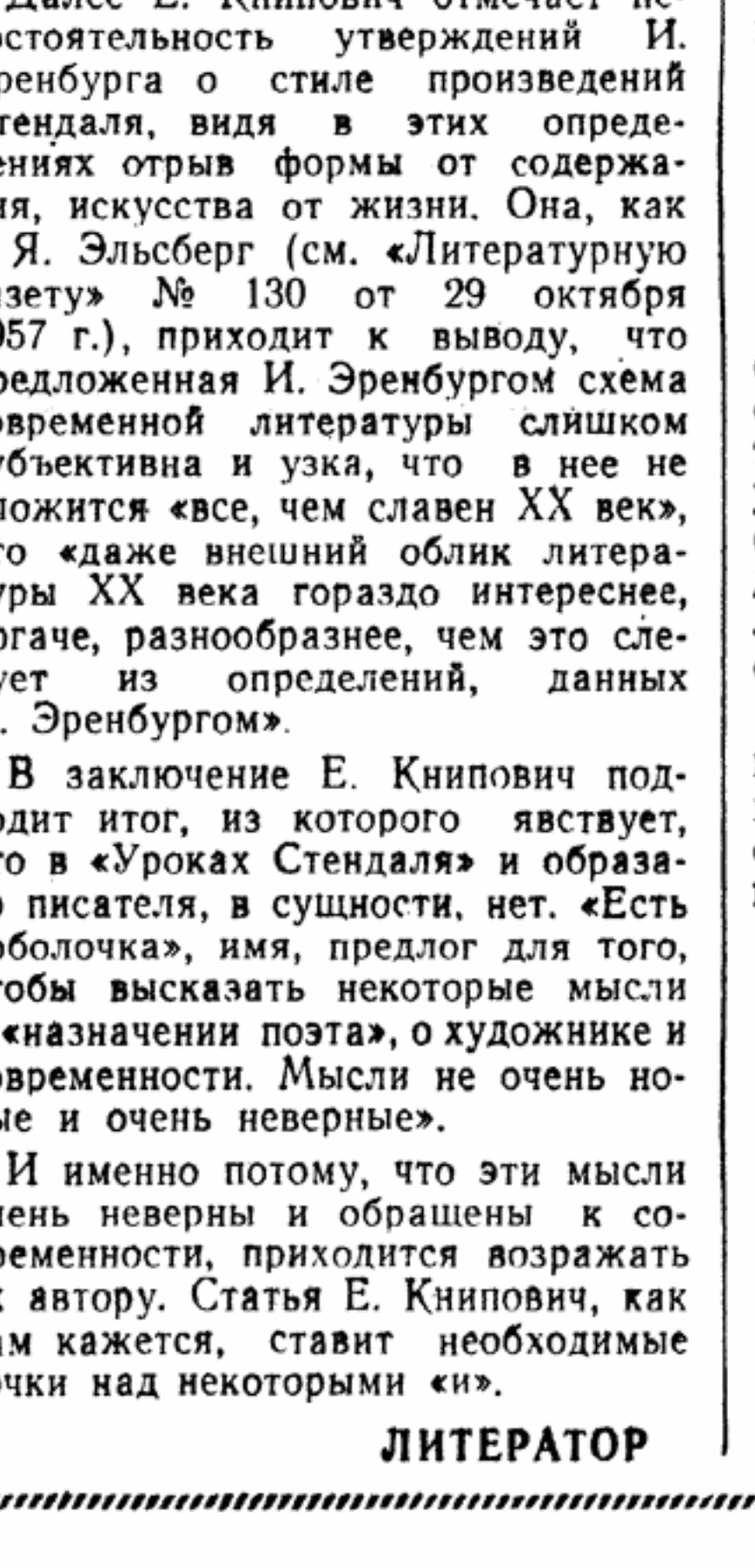

Сцена из спектакля «Золотая карета» в постановке МХАТ. На снимке (справа) — Тимоша (арт. Л. Губанов) и Березкина (арт. В. Орлов).

Социализм ставит своей целью всеостороннее облегчение удел человека, открыть ему доступ не только к материальному, но и к высшим духовным человеческим ценностям...

Может быть, он имел в виду ложную идею, или лицемерное приспосабливание автора, или просто неумение еще неопытного писателя воплотить идею, которой он искренне предан?

Критический реалист Стендала никогда не принадлежал к числу тех, кто обращался к будущему через толпу современности. Иначе не могло быть, ибо, по первому замечанию Е. Книповича...

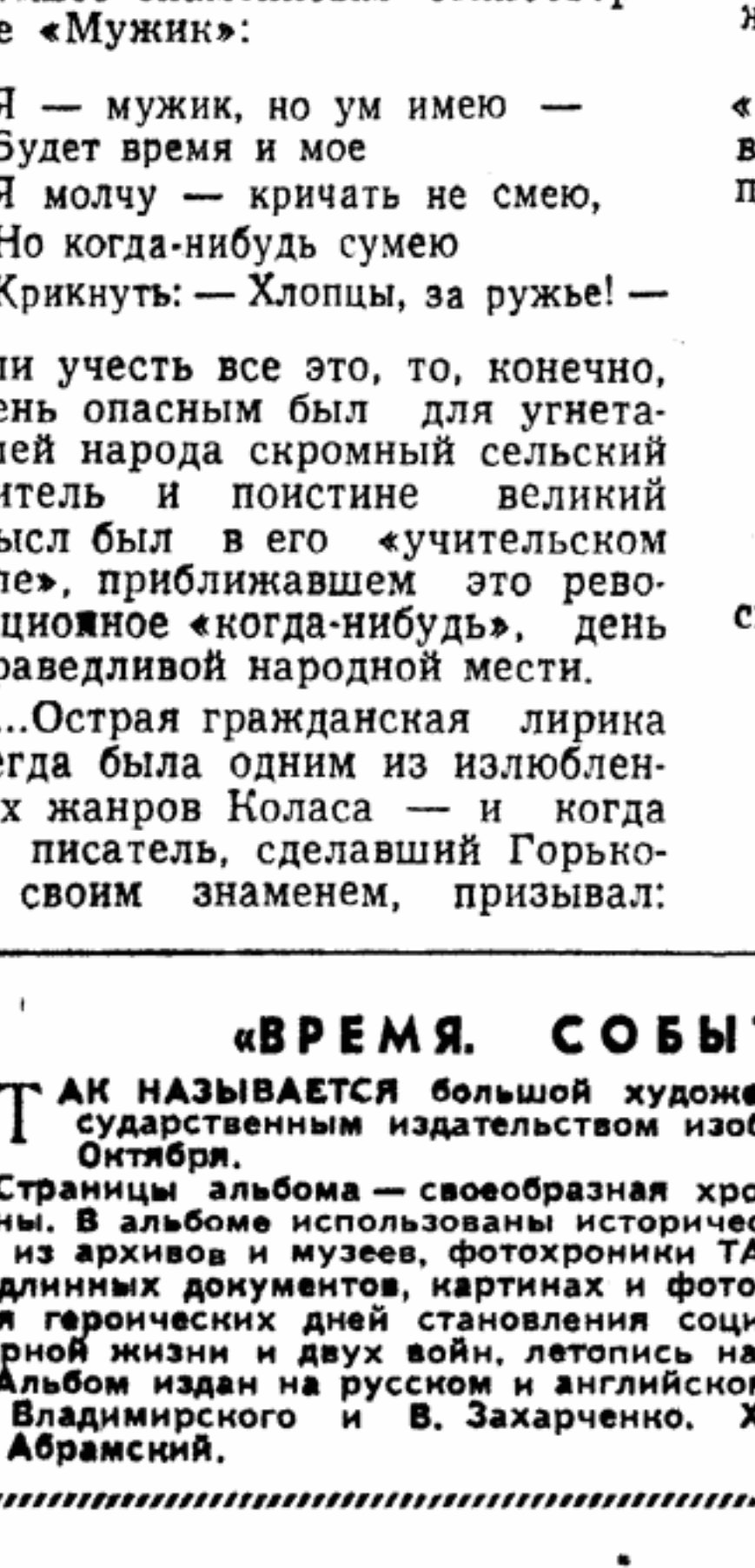

Сцена из спектакля «Золотая карета» в постановке МХАТ. На снимке (справа) — Тимоша (арт. Л. Губанов) и Березкина (арт. В. Орлов).

В заключение Е. Книпович подводит итог, из которого явствует, что в «Уроках Стендала» и образы писателя, в сущности, нет. «Есть «оболочка», имя, прелог для того, чтобы высказать некоторые мысли о «значении поэта»...

В АНКЕТЕ, датированной декабрем 1918 года, Якуб Колас написал о себе: «Кроме учительского дела, других специальностей не имею».

«Других специальностей не имею?» Это, конечно, не так. Скромный учитель Константин Михайлович Мищенко, работавший в дореволюционных убогих сельских школах в Белоруссии...

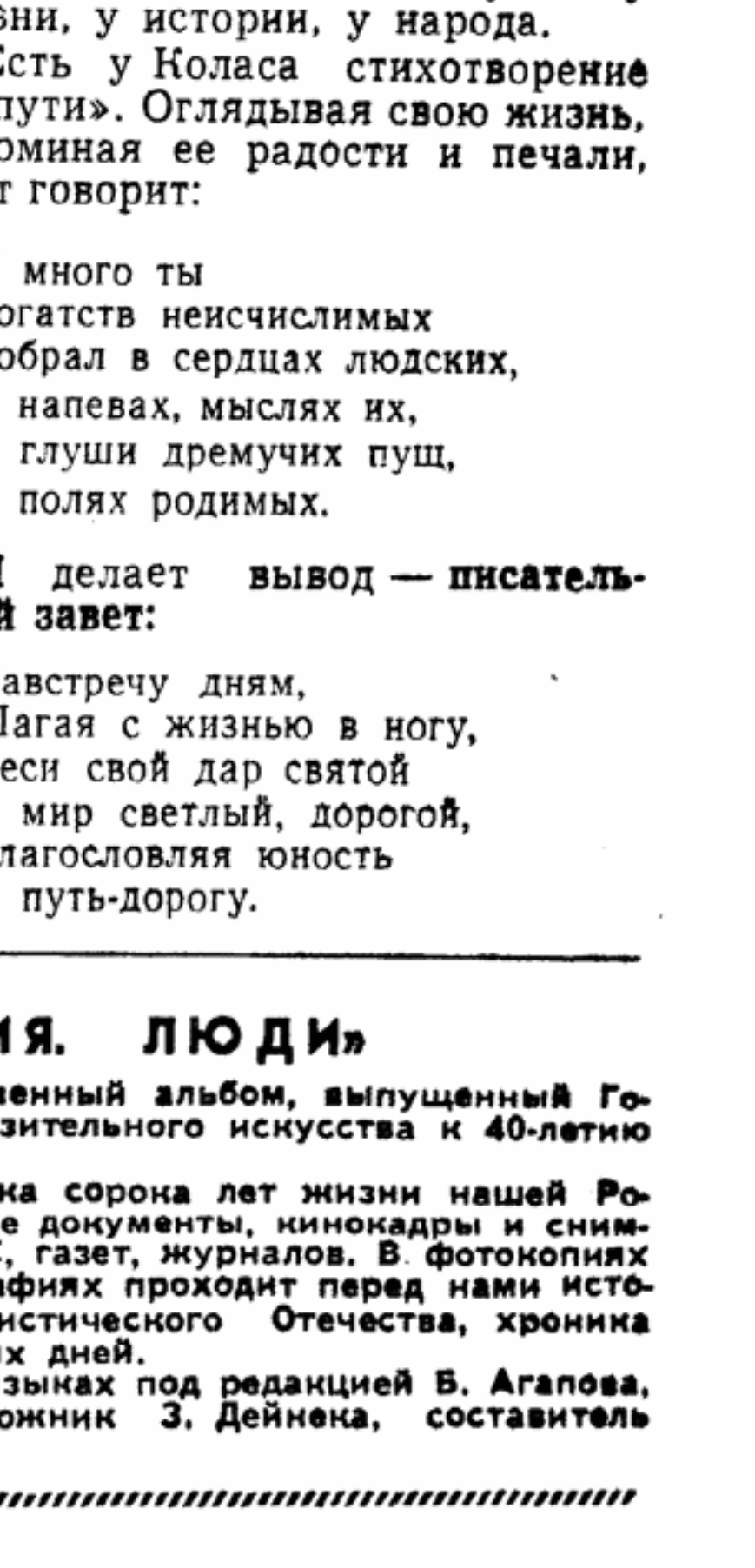

Якуб Колас.

В 1935 году в Париже на Первом международном конгрессе писателей в защиту культуры и на заседаниях Советского комитета защиты мира, членом которого он состоял...

«Грядь же ты, буря, да грядь посыл и вей!» (1912 год), и когда писал он в мироощущении и в мироустройстве и в людях, обреченных Октябрьских ударов...

Но, может быть, еще более силен был Якуб Колас как эпик. Его, ставшие классикой, монументальные поэмы «Новая земля» и «Симон-музыкант»...

Якуб Колас.

В дореволюционное время скромный сельский учитель был вынужден под надзором полиции, несколько лет просидел в мяском остроге. За что же? Неужто за учебные пособия для белорусских детей?

ЖИТЬ БЕЗ ВОЙНЫ!

Б. ЛЕОНТЬЕВ

СЛАВНО прошел праздник со-...
Одна черта вхохляющихся дней...
Идеи эта великая, сплачивающая...

ной печати, ибо все она состоит на...
Нет предела восторгу клеветни-...
Станно читать такие дикие из-...

Идеи эта великая, сплачивающая...
Идеи эта великая, сплачивающая...
Идеи эта великая, сплачивающая...

Сознательно изворачивается вся...
О продолжении политики, обога-...
Эти замыслы провозглашаются...

Прочный мир стал реальной воз-...
Такая самая славная весть, кото-...
В ближайшем историческом до-...

Такова реакция буржуазной об-...
В итоге сорока лет социалистиче-...
на спокойные, внушительные при-...

«Жить без войны на основе мир-...
«Жить без войны на основе мир-...
«Жить без войны на основе мир-...

Но вот в чем особенность момен-...
Да, два совершенно противополо-...
Да, два совершенно противополо-...

«Жить без войны на основе мир-...
«Жить без войны на основе мир-...
«Жить без войны на основе мир-...

И одновременно раздвинулся го-...
Да, два совершенно противополо-...
Да, два совершенно противополо-...

Кричащие, нервные стечения...
Кричащие, нервные стечения...
Кричащие, нервные стечения...

«Сочинители» не очень утруж-...
«Сочинители» не очень утруж-...
«Сочинители» не очень утруж-...

Новая провокация Эдгара Гувера

НИЗКОПРОБАЯ американская...
В середине июня, как повеству-...
В середине июня, как повеству-...

«Сочинители» не очень утруж-...
«Сочинители» не очень утруж-...
«Сочинители» не очень утруж-...

«Литературная газета» выходит три...
Адрес редакции и издательства: Москва И-51, Цветной бульвар, 30...
Тираж 100 000 экземпляров.

ТРИДЦАТЬ лет тому назад в немецком издательстве «Густав Кипенхейер» вышла книга, вокруг которой разгорелись жаркие споры, порожденные самыми разноречивыми откликами и мнениями. Люди, близкие к правящей верхушке...

Арнольд Цвейг

К семидесятилетию со дня рождения

Знаменитый вкладом в немецкую антифашистскую литературу...

С большой симпатией изобра-...
С большой симпатией изобра-...
С большой симпатией изобра-...

Один из немногих писателей...
Один из немногих писателей...
Один из немногих писателей...

В борьбе за демократическую...
В борьбе за демократическую...
В борьбе за демократическую...

В двадцатые годы в Германии...
В двадцатые годы в Германии...
В двадцатые годы в Германии...

В первые же дни после воен-...
В первые же дни после воен-...
В первые же дни после воен-...

Может быть, все эти басы —...
Может быть, все эти басы —...
Может быть, все эти басы-...

Советские спутники и американские утки

АМЕРИКАНСКАЯ печать в по-...
АМЕРИКАНСКАЯ печать в по-...
АМЕРИКАНСКАЯ печать в по-...

Вот отдельные образчики того...
Вот отдельные образчики того...
Вот отдельные образчики то-...

«Вот отдельные образчики того...
«Вот отдельные образчики того...
«Вот отдельные образчики то-...

— А это искусственный спутник, который в ближайшем будущем запустит США.

Интервью в ПЕНТАГОНЕ...
Интервью в ПЕНТАГОНЕ...
Интервью в ПЕНТАГОНЕ...

«Вот отдельные образчики того...
«Вот отдельные образчики того...
«Вот отдельные образчики то-...

«Сочинители» не очень утруж-...
«Сочинители» не очень утруж-...
«Сочинители» не очень утруж-...

«Сочинители» не очень утруж-...
«Сочинители» не очень утруж-...
«Сочинители» не очень утруж-...

«Сочинители» не очень утруж-...
«Сочинители» не очень утруж-...
«Сочинители» не очень утруж-...

Секретария ЦСР...
Секретария ЦСР...
Секретария ЦСР...

«Литературная газета» выходит три...
Адрес редакции и издательства: Москва И-51, Цветной бульвар, 30...
Тираж 100 000 экземпляров.